

Узаконенная месть, именуемая правосудием

Пётр Кропоткин

1901 год

Оглавление

Узаконенная месть, именуемая правосудием	3
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	12

Узаконенная месть, именуемая правосудием

Сен-симонист Адольф Бланки вполне основательно выделяет в своей „Истории политической экономии” значение, которое имели экономические формы в истории человечества, и именно в вопросе об определении политических форм человеческого общежития и даже об образовании воззрений общества на право, мораль и философию. В эту эпоху французские либералы и радикалы сосредоточивали свое внимание исключительно на политическом строе и оставляли без внимания последствия буржуазного режима, устанавливавшегося тогда во Франции на развалинах первой республики. С целью выделения значения экономического фактора и в видах привлечения внимания на этот пренебрегаемый даже лучшими умами вопрос, а также и на возникавшее лишь тогда¹ обширное-социалистическое движение, Бланки несомненно преувеличил даже значение экономического фактора и пытался всю историю представить в виде надстройки над зданием, созданным из отношений экономических. Впрочем, это преувеличение было вполне естественно в виду только что названных причин: оно было необходимо или, во всяком случае, неизбежно. Подобные увлечения сплошь да рядом встречаются в истории науки. „Пусть другие”, мог сказать Бланки, „займутся оценкой значения прочих факторов: форм государственного строя, воззрений на правосудие, теологических воззрений и пр. Я должен выяснить значение интересующего меня предмета во всем его объеме. И это тем более, что по сравнению с ним значение прочих факторов истории окажется, пожалуй, даже преувеличенным”.

Известно, до каких преувеличений была впоследствии доведена эта мысль германскою социал-демократическою школой; известны усилия, прилагаемые нами — анархистами для привлечения внимания и научного изучения на один из этих прочих факторов жизни человеческих обществ, т.-е. на государство.

Следует, однако, признать, что сами-то мы в своей борьбе за отмену того, по существу своему иерархического, централизованного, якобинского и противосвободного строя, который зовется государством, — что и сами мы поневоле пренебрегли до известной степени в своей критике современных установлений так называемым правосудием. Мы часто говорили о нем; анархистская периодическая печать подвергает его систематической критике; однако мы недостаточно подкопались под самые основания его.

Настоящий доклад написан именно с целью сильнее привлечь внимание на вопрос о так называемом правосудии и вызвать по этому предмету обмен мыслей.

¹ „История политической экономии” Бланки вышла в свет в 1837 г.

Изучение развития форм человеческого общежития само собой приводит к заключению, что параллельное и совместное существование государства и правосудия (т.е. судьи, суда, учрежденного со специальной целью установления в обществе справедливости) не только проходит через всю историю человеческого общества, но и приводит к тому выводу, что эти два установления тесно соединены друг с другом узами причин и следствия. Установление института судей, специально предназначенных для применения предусмотренных законом наказаний к нарушителям такового, — по необходимости приводит к образованию государства. Кто признает необходимость судьи и суда, создаваемого исключительно для выполнения этих функций, совокупно со всею системой законов и наказаний, отсюда истекающих, — тот тем самым признает и необходимость государства. Отсюда истекает необходимость в учреждении, издающем законы, и соблюдающем единство законодательных сводов, потребность в высших учебных заведениях для изучения толкования и составления законов, неизбежность системы тюрем и палачей, полиции и армии на службе государству.

И в самом деле. Первоначальное племя, всегда живущее общинным строем, не знает судьи. В лоне племени, между членами того же племени — кражи, человекоубийства, нанесения ран — не существует. Сила обычая гарантирует от них племя. В исключительно же редких случаях, когда кто-либо из членов племени преступил бы его священный обычай, — все племя забросало бы камнями или предало бы огненной казни нарушителя обычая. Каждый бросит в таком случае в него свой камень, каждый принесет свою охапку дров, дабы не тот или другой член племени, а все племя целиком предало преступника казни.

А если человек из чужой общины убил нашего одноплеменника или нанес ему рану, то все наше племя должно или убить первого встречного из того племени, или нанести кому бы то ни было из членов того племени рану точно такого же рода и такой же величины: ни на одно зерно (миллиметр той эпохи) ни шире, ни глубже.

Таковы были их воззрения на правосудие.

Позднее, в сельской общине первых веков нашей эры взгляд на правосудие изменяется. Идея мести мало по малу исчезает (чрезвычайно медленно и особенно у племен земледельческих, сохраняясь много дольше среди племен воинственных); вместо нее распространяется идея возмещения по отношению к потерпевшему лицу или семье. С появлением самостоятельной, патриархальной семьи, обладающей собственным семейным имуществом (в скоте или рабах, захваченных у других племен), идея возмещения принимает все более характер оценки того, что „стоит” (в материальном отношении) человек раненный, пострадавший каким-либо образом от насилия или убитый: столько-то за раба, столько-то — за земледельца, за военачальника или царька, утраченного данною семьей. Эта оценка людей составляет сущность первых варварских кодексов.

Сельская община собирается на сход и устанавливает наличность факта при посредстве свидетельства шести или двенадцати присяжных от каждой из сторон, стремящихся воспрепятствовать проявлению грубой мести и предпочитающих уплатить или получить взамен ее известное вознаграждение. Старейшины общины или

барды, сохраняющие закон (оценку людей в зависимости от их принадлежности к тому или другому классу) в своих песнях, или, наконец, приглашенные общиной судьи определяют таксу за поранения: столько-то голов скота — за такую-то рану или за такое-то убийство. Виновный в краже приговаривается попросту к восстановлению похищенной вещи или ее стоимости и к некоторой пене в жертву местным богам или в пользу общины.

Но мало-помалу, в зависимости от переселений и завоеваний, свободные общины многих народностей подвергаются порабощению. Племена и народные союзы с различными обычаями смешиваются в пределах той же территории, при сохранении, впрочем, деления на победителей и побежденных. К тому же среди этого смешения народностей впоследствии поселяются пресвитер и епископ — опасные колдуны — римско-христианской религии. И, мало-помалу, вместо барда, вместо приглашенного судьи или старейшин, которые некогда определяли таксу вознаграждения, эту роль принимает на себя, поставленный епископом, начальник военного отряда победителей, князь или царек.

Все эти преемники первобытных вершителей правосудия, научившись кое-чему в монастырях или при дворах царьков и вдохновляясь примерами Ветхого Завета, мало-помалу становятся судьями в современном понимании этого слова. Пеня, которая некогда уплачивалась местным божествам или местной общине, — обращается теперь уже в пользу епископа, царька, его наместника и т. д. Пеня имеет теперь уже первенствующее значение, тогда как вознаграждение, присуждаемое в пользу потерпевших за причиненное им зло, стушевывается мало-помалу, заменяясь штрафом, уплачиваемым в пользу этого зародыша государства. Вместе с тем начинает постепенно распространяться идея наказания, которая вскоре достигает преобладающего значения. Особенно ярко сказывается нежелание довольствоваться принципом возмещения у христианской церкви; она хочет карать, внушать подчинение своей власти, терроризовать по образцу своих израильских предшественников. Рана, нанесенная члену духовенства, является уже не обыкновенным поранением человека; это преступление — оскорбление божества. Сверх материального возмещения в подобном случае требуется еще искупление вины, и варварство искупительного наказания все увеличивается. Светская власть не отстает в этом отношении от христианского духовенства.

В десятом и одиннадцатом веках начинают обрисовываться признаки революции в недрах городских общин. Начинали они изгнанием епископского судьи, местного владетельного князя или короля, и затем совершали свой „заговор”. Горожане давали клятвенное обещание, во-первых навсегда отказаться от всех распрей, исходящих из родовой мести, в случае же возникновения новых столкновений они обязывались ни в коем случае не обращаться к судье, поставленному епископом или местным феодальным владельцем, а направляться с жалобой в гильдию, приход или общину. Синдики, избранные гильдией, улицей, приходом, общиной или, в более важных случаях, соединенное общее собрание гильдии, прихода и общины определяет размер вознаграждения, причитающегося пострадавшему лицу.

Помимо того, поистине, чрезвычайно обширное применение приобретает третейский суд, независимо от класса и состава тяжущихся сторон, т. е. как между частными лицами, так и между гильдиями и между общинами.

Но, с другой стороны, католицизм и восстановленное изучение римского права не оказываются без влияния на развитие народных воззрений. Священник преимущественною темою своих проповедей избирает примеры возмездия со стороны Бога гнева, Бога мести. Предпочтительным аргументом (сохранившимся, впрочем, и до наших дней) служит здесь вечное отмщение, к которому присуждается тот, кто согрешит против требований и предписаний духовенства. Основываясь на евангельском повествовании об одержимых бесом, служители папского католицизма видят бесноватого в каждом нарушителе закона и изобретают всевозможные, ужаснейшие пытки с целью изгнания беса из тела „преступника”. В случае „нужды” несчастный „бесноватый” погибает на костре. А так как, начиная с первых же веков христианства, священник вступает в союз с феодальным властелином, и так как сам священник всегда является и светским владыкой, папа же римский — королем, — то „служитель алтаря” обрушивается и преследует своею мезтью и того, кто осмелился нарушить светский закон, безразлично, будь тот закон издан военачальником, феодальным владельцем, королем, прелатом-феодалом или папой-королем. Сам римский первосвященник, к которому постоянно обращаются, как к верховному посреднику и третейскому судье, окружает себя штатом законовевдов, изошрившихся в казуистике государственного и феодального права... Человеческий здравый смысл, знание правовых обрядов и обычаев народных, понимание и умение разобраться в духовной природе человека, — т.-е. все, что некогда относилось к достоинствам народных судов, ныне признано бесполезным, вредным, способствующим развитию дурных страстей, внушением дьявольским, духом мятежным. „Прецедент”, в виде решения какого-то судьи, носит характер закона. Для того же, чтобы усилить престиж этого закона, за прецедентами обращаются к самым отдаленным эпохам — к постановлениям и законам императорского Рима или даже Израильской монархии.

Третейский суд, мало-помалу, окончательно исчезает параллельно с возвышением могущества феодального владельца, князя или герцога, короля, епископа и папы, по мере того, как упрочивается союз между светскою и духовною властью. И та, и другая не допускают вмешательства посредников в отношения тяжущихся и насильно требуют, чтобы стороны являлись за разрешением своих тяжб к их наместникам или судьям. Вознаграждение потерпевшей стороны почти вовсе исчезает в области „уголовных” дел и вскоре всецело заменяется возмездием во имя христианского Бога или Римского государства. Под влиянием Востока наказания принимают все более и более жестокий характер. Церковь, а вслед за нею и светская власть, доходят до виртуозности в смысле этой жестокости; чтение или изображение наказаний, применявшихся в XV и XVI веках является почти невыносимым для современного читателя.

Таким образом главные положения этой основной, существенной стороны каждого человеческого сообщества были подвергнуты коренному преобразованию в

период между одиннадцатым и шестнадцатым веками. Государственная власть, в силу причин, которые мы пытались осветить в нашем исследовании о Государстве и его исторической роли, окончательно подчиняет своей власти общины, отказавшиеся уже, даже в воображении своем, от федеративных принципов третейского суда и народного правосудия (сущность общины XI века); дальнейшая же победа становится сравнительно нетрудною. Общины, под влиянием христианства и римского права, обратились уже в своего рода мелкие государства; жители их стали уже государственниками в преобладающих своих воззрениях.

Конечно, весьма интересно проследить, каким образом изменение экономических условий, происходившее в течение этих пяти столетий, отдаленные торговые сношения, экспорт, учреждение банков и общинные займы, войны, колонизация и зародыши крупного производства под началом капиталиста-предпринимателя, каким образом все эти условия сменяют производство, потребление и торговлю, не выходящие за пределы общины. Чрезвычайно интересно еще установить, каким образом эти многочисленные и различные экономические факторы оказали влияние на преобладающие умственные течения. Весьма ценные исследования по этому вопросу рассеяны в многочисленных трудах, посвященных истории различных общин. Кроме того, в этих же трудах разбросано несколько исследований (несравненно более трудных, однако, и всегда противных правоверному учению) на тему о влиянии господствующих принципов христианской и римской правовой догматики. Но было бы столь же неправильно и противно научным приемам приписывать преувеличенное, решающее влияние первому из упомянутых факторов, сколь невероятно было бы в области ботаники утверждение, будто сумма тепловых единиц, воспринятая растением, исключительно и преимущественно влияет на его развитие, — упустив при этом из виду значение для растения света и влаги. Эта ошибка была бы еще значительнее, если бы вопрос касался установления факторов, определяющих изменение того или иного вида.

Этот краткий исторический обзор дает уже нам возможность заметить, до какой степени близко соотношение между институтом общественного возмездия, именуемого правосудием, и государством; насколько эти два исторически-нераздельных установления друг друга поддерживают и насколько они взаимно друг из друга исходят.

Путем спокойного мышления не трудно прийти к выводу, насколько прочна и логическая нераздельность этих установлений; насколько тождественна общность их происхождения из области того же круга представлений о власти, бдящей над безопасностью общества и простирающей свою мстящую десницу на тех, кто нарушает установившиеся пережитки, т.-е. закон.

Назначьте нам судей, специально поставленных вами и вашими правителями, для отмщения за нас нарушителям законодательных прецедентов, собранных в кодексах, — или хотя бы для возмездия во имя закона за нарушение обычаев общежития во вред интересам общества, — и логическим последствием сего явится государство. С другой же стороны, сохраните во главе общественного строя то пирамидообразное, строго

централизованное, обнимающее все факторы общественной жизни установление, которое мы зовем государством, — и вам по необходимости придется мириться с институтом судей, назначенных или утвержденных государством, поддерживаемых исполнительной властью в их функциях воздателей возмездия во имя государства по отношению к нарушителям его установлений и требований.

В настоящее время мы переживаем эпоху, когда все устои, все основные положения, на коих зиждется современный общественный строй, подвергаются коренному пересмотру. Право собственности на землю и на общественный капитал мы считаем квалифицированной кражей, узаконенным захватом; мы отрицаем подобное право. Мы называем монополией, созданною правящею Мафией, те концессии, которые эксплуатируют различные железнодорожные, газоосветительные и им подобные акционерные общества. Мы именуем узурпаторами наших правителей, сплотившихся в могущественную организацию, дабы обеспечить свою опеку над нами. Мы зовем, наконец, разбойничьими те государства, которые нападают друг на друга с завоевательными целями.

От нас самих зависит ныне решение вопроса в том или другом направлении. Иначе говоря: остановиться ли нам на полпути и, в виде дани нашему воспитанию в духе римско-христианской и римской правовой мести, уважить ублюдка этих двух умственных течений, в образе так называемого правосудия. Направить ли острое лезвие нашей критики на это установление, являющееся истинным устоем капитализма и государства? Или, быть может, нам следует избрать третий из представляющихся нам путей; т.-е. проникнутые основанными на мести предрассудками, исходящими из представления о Боге-мстителе, задачу коего нам предстоит облегчить, и из понятия о государстве, обожествленном до степени признания его воплощением правосудия, мы сохраним установление — мирскую власть Божества, — которое мы именуем правосудием. Мы поставим над собой судей, нами ли избираемых или назначаемых нашими правителями, и скажем этим судьям: „Блюдите, чтобы обряды, обычаи и судебные установления, известные под именем закона, были соблюдаемы. Воплотив в лице своем правосудие, карайте нарушителей социальных установлений человеческого общежития. Мы предоставим в ваше распоряжение физическую силу, потребную для понуждения упорствующих, и будем оказывать вам нравственную поддержку... Вы же — действуйте”.

Таким путем мы положим прочное основание государству — силе, стоящей выше общества и неизбежно стремящейся к централизации, к распространению своего могущества. Существование этой силы будет обеспечено до того времени, пока ее не свергнет новая революция.

Третейский суд мог судить и судил согласно своему пониманию правосудия применительно к каждому отдельному случаю, согласно своему знанию и пониманию установившихся человеческих отношений, согласно своему воззрению на индивидуальную и общественную совесть. Но судья, поставленный на свое место, чтобы судить, судья, специальное призвание коего — наказывать, — должен руководствоваться писанным законом, кодексом. В виду этого создается необходимость в законодательной машине, в особой организации, изготовляющей этот кодекс, в учреждении,

производящем выбор среди различных юридических прецедентов и кристаллизирующем в виде законов те из этих прецедентов, сохранение коих будет признано полезным. Разрешение непосредственно самим народом вопроса о способе формулирования обязательного юридического прецедента — является химерой, в которую не верят сами же сторонники непосредственного народоправства. Необходимо посредствующее правительство в лице выдающихся людей, ницшеанских сверхлюдей, призванных к формулированию законов.

В равной степени и для толкования формулы закона необходимы специалисты, в лице правоведов. Эти специалисты-законники неизбежно обратятся в маньяков слова и буквы; вследствие этого современному их обществу придется нести всю тяжесть пережитков, унаследованных от предков. Они-то будут кричать нам: „назад”, когда мы будем стремиться вперед.

Кроме того, нельзя будет обойтись и без вооруженного розгами и секирой ликтора, — т.-е. власти исполнительной, — силы, предоставленной в распоряжение „права”. А тогда, значит, нужны и полиция, и сыщики, и агенты-provokatory и проститутки в роли их помощниц; нужен и палач; нужны тюрьма с тюремной стражей, тюремный принудительный труд и все прочее, — вся та невообразимая грязь, которая наполняет и окружает те „университеты преступления”, те питомники противообщественных стремлений, какими неизбежно являются все решительно тюрьмы.

Наконец, необходимым становится еще и правительство — для наблюдения, организации и награждения армии надзирателей. Неизбежно установление крупного налога на содержание этой машины; необходимо законодательство для приведения ее в действие, а в связи с ним — судьи, полиция и тюрьмы для внушения уважения к уголовному и исправительному законодательству.

Судья приводит с собой государственную власть. Изучение исторического развития и могущества государственной власти ясно обнаруживает, сколь громадную, первостепенную, фундаментальную роль сыграл судья в деле создания современного централизованного государства.

Революционировать свои воззрения относительно целого ряда основных положений, которые дотоле считались главнейшими устоями каждого человеческого общества (собственность, божественное происхождение монархической власти и проч.), мы можем продолжить наше исследование вплоть до самых источников, до места и времени возникновения всевозможных родов притеснений и гнета.

Пламенем нашей критики мы осветим область деятельности правосудия, сосредоточенного в компетенции специальной касты, область применения той груды всевозможных древних пережитков, которая именуется кодексом.

Тогда мы убедимся, что кодекс, т.-е. (всякий кодекс вообще) представляет собой не что иное, как собрание пережитков, формул, заимствованных из понятий эпохи рабства экономического и умственного, из понятий безусловно противных тем воззрениям, которые возникают и развиваются среди нас — социалистов всех школ. Все эти кодексы представляются рядом кристаллизованных формул, пережитков, которым старается подчинить нас наше рабское прошлое с целью воспрепятствовать

нашему развитию и совершенствованию. И мы с безгливостью отстраним всякий подобный кодекс. Мало того, что каждое из подобных „уложений” заключает в себе известные нравственные положения, основную мысль коих и сами мы разделяем. Раз кодекс устанавливает наказание для вящего подтверждения их непреложности, — мы его отвергаем. Не говорю уже про многочисленные рабские положения, которые каждый кодекс совмещает с делом нравственного совершенствования человека при помощи кнута. Каждый кодекс представляет собой не что иное, как кристаллизацию прошлого, созданную с целью заторможения грядущего прогресса.

Продолжая свою критику, мы, без сомнения, обнаружим, что каждое законное наказание является, в сущности, местью — узаконенною и принудительною. Но необходима ли месть? спросим мы. Способствует ли она на самом деле, соблюдению обычаев общежития? Не служит ли провозглашение долга мести в действительности лишь благоприятным условием для установления и укрепления в обществе обычаев противообщественных? И если мы зададим себе вопрос, не служит ли система законных наказаний совместно с полицией, лжесвидетелями, сыщиками, тлетворным воспитательным влиянием тюрьмы, маньяками буквы закона и прочим, — не способствует ли все это введению в нравственный организм общества крайней умственной извращенности, по существу своему несравненно более опасной, нежели противообщественные деяния „преступников”; если мы зададим себе этот вопрос и станем доискиваться его разрешения в изучении действительности, то мы тотчас же убедимся в том, что сомнения насчет ответа тут быть не может. И тогда мы отрицем систему наказаний так же, как отвергнем целиком и узаконяющие эту систему кодексы.

Умственно освободившись от этого худшего из пережитков, мы будем в состоянии (не заботясь о том, что сделали в этом отношении церковь и государство) исследовать вопрос о средствах наиболее пригодных (применительно к людям, какими они являются на самом деле) к развитию в них чувств и стремлений общежительных и препятствующих развитию стремлений противообщественных.

Каждый, кто произведет подобное исследование, освободившись от традиции правосудия, тот наверное не придет к заключению в пользу суда и исправительной системы. И не здесь станет он искать разрешения вопроса.

Он убедится в том, что третейский суд по избранию тяжущихся сторон, оказался бы вполне достаточным в громадном большинстве случаев. Он поймет, что невмешательство свидетелей возникающей распри или столкновении, является попросту скверною привычкою, приобретенною нами с тех пор, как у нас имеются суд, полиция, священник и государство; что активное вмешательство друзей и соседей само по себе предотвратило бы громадное большинство грубых столкновений.

Он уразумеет также, что заводя у себя полицию, жандармов, палачей, тюремщиков и судей, с единственною лишь целью производить законное возмездие по отношению к тому незначительному меньшинству людей, которые преступают обычаи общежития или умышленно нарушают чужие интересы, вместо того, чтобы каждому следить за собой и за другими во избежание подобных нарушений и с целью исправления происшедшего от них вреда. Он поймет, что действовать подобным образом столь же неблагоприятно и неэкономно, сколь невыгодно предоставлять заведывание промышленным производством хозяевам, вместо того, чтобы сгруп-

пироваться самим для удовлетворения своих нужд. И если мы считаем человека способным со временем обойтись без хозяев-предпринимателей, то лишь в силу обыкновенной привычки и благодаря лени нашего ума мы не дошли еще до понимания того, что люди, умеющие обойтись без хозяев в области материальной, будут настолько сообразительны, что могут прожить и без хозяев в сфере морали, т.-е. без судей и полиции. Тем же способом, которым люди будут доискиваться и найдут возможность удовлетворять свои потребности без хозяев, — сумеют они отыскать средство (достаточно уже указанное) возвысить человеческую общежительность и воспрепятствовать индивидуумам слишком горячим или антиобщественным по природе своей (существуют ли они только?) являться элементом, опасным для общества. Воспитание, более или менее обеспеченное существование, более тесное сближение людей и в особенности смягчение наказаний произвели уже поразительные изменения в этом направлении. Неужели мы менее способны содействовать дальнейшим изменениям в этом смысле, независимо от того, будем ли мы членами общества коллективистов или коммунистов, социалистов или анархистов? Неужели мы в этом отношении оказались бы ниже наших дорогих нынешних правителей?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организованное общественное возмездие, именуемое правосудием, является пережитком рабского прошлого, развившимся с одной стороны в зависимости от интересов привилегированных классов, с другой же — под влиянием принципов римского права и идеи божественного возмездия, которые постольку же являются основаниями христианской религии, поскольку устоями ее служит учение о всепрощении и об отрицании человеческой мести.

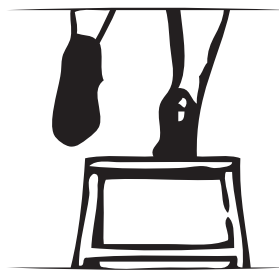
Организация общественного возмездия, именуемого правосудием находится в полном историческом соответствии с созданием государства. Логически эти понятия также неразрывны. Судья является носителем понятия государства централизованного, якобинского; государство создает судью, специально назначаемого для возмездия по отношению к тем, кто окажется виновным в совершении противообщественных деяний.

Прямое следствие рабства политического, экономического и умственного — этот институт служит лишь к увековечению такового. Он служит к сохранению в обществе идеи обязательного возмездия, возведенного в добродетель. Он служит школой противообщественных страстей в тюрьмах. Он извергает в общество порок нравственного растления, возникающий в стенах судилища и темницы; в этом отношении главную роль играют полицейский, палач, сыщик, агент-provokator, агенты частных сыщиков и проч. И этот поток с каждым днем все расширяется. Во всяком случае это зло много превосходит добро, которое приписывается правосудию, в качестве угрозы наказания.

Общество, которое нашло бы невыгодную и общественно-вредную настоящую организацию экономической жизни, предоставленной в распоряжение предпринимателя-капиталиста, — такое общество несомненно обнаружило бы также и то, что поручение забот о развитии общежительных начал организации правового возмездия не менее невыгодно и противно освободительным принципам. Подобное общество уразумело бы, что кодекс есть не что иное, как кристаллизация, обоготворение обычаев и представлений, принадлежащих прошлому, к которому все социалисты относятся с омерзением. Оно сумело бы обойтись без учреждений правосудия.

Это общество нашло бы возможность обойтись без него, при помощи добровольного третейского суда, при условии более тесных уз, которые не замедлили бы возникнуть и сплотить всех граждан, и при посредстве могучих воспитательных средств, которыми, несомненно обладало бы общество, которое не согласилось бы представить заботу о нравственной своей гигиене произволу жандарма.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пётр Кропоткин
Узаконенная месть, именуемая правосудием
1901 год

https://antimilitary.narod.ru/antology/anatomy/kropotkin_mest_.htm

ru.anarchistlibraries.net